

А.В. Щемелев

**Фракийский всадник:
особенности источниковой базы
исследования**

Статья посвящена анализу источниковой базы изучения феномена фракийского всадника, чьи изображения содержатся на рельефах votивного и погребального характера, найденных в основном на территории Древней Фракии, а также за ее пределами. Современная наука должна привлечь как археологические, так и нарративные, эпиграфические и другие источники для того, чтобы найти ответы на «загадки» фракийского всадника, прояснить происхождение и сущность данного явления.

Ключевые слова: Древняя Фракия; фракийский всадник; votивные плиты; погребальные стелы; рельефы.

Термин «фракийский всадник» условно применяют для именованя изображения всадника на памятниках погребального или votивного (посвятительного) характера, найденных на территории Древней Фракии, а также на соседних с ней землях, в которых наблюдалось фракийское присутствие. Сходные изображения встречаются на монетах, а также на перстнях и других произведениях торевтики, в виде терракотовых статуэток, но они гораздо более редки.

По подсчетам исследователей, изображения всадника найдены более чем в 350 местах [4: с. 159] современных государств — Болгарии, Сербии и Румынии, — число находок превышает три тысячи [20: р. 129]. Значительная часть известного археологического материала введена в научный оборот; многие памятники можно увидеть в музеях Варны, Софии, Белграда и др. Около трети из всех известных рельефов снабжены надписями, которые также являются объектом пристального внимания ученых.

Несмотря на то, что изучение загадок, связанных с фракийским всадником, началось более века назад, многие вопросы (о них будет сказано ниже), включая происхождение и сущность изображений, до сих пор не получили в историографии однозначного ответа.

Важнейшие изображения памятников фракийского всадника опубликованы. Одним из первых систематизацию вотивных и погребальных рельефов предпринял академик Г. Кацаров [24]. Немецкий историк античности Э. Пфуль почти в одно время с Г. Кацаровым также занимался сбором и классификацией памятников, однако его труд был издан спустя годы после его смерти историком Х. Мёбиусом [27] с изменениями и дополнениями. Оба названных труда, вышедшие весьма ограниченным тиражом, давно стали библиографической редкостью. Огромную работу по систематизации источников провели немецкий исследователь М. Опперманн и болгарский историк З. Гочева, принявшие участие в издании фундаментального свода памятников (*ССЕТ* [19]), в котором были собраны практически все известные науке на тот момент изображения фракийского всадника.

Плиты с его изображениями встречаются на территории Циркумпонтийского региона и нередко даже за его пределами (поскольку фракийцы служили в римской армии, их присутствие засвидетельствовано в Паннонии, Британии, Египте, Малой Азии, Тунисе, Риме и др.) [6: с. 82; 11: с. 99–102]. Отечественные археологи осуществили ряд находок рельефов фракийского всадника на территории Крымского полуострова и по их результатам выпустили публикации с описанием отдельных памятников. Назовем лишь некоторых: академик М.И. Ростовцев [9], историки Э.И. Соломоник [11], Н.Н. Бритова [1] и др.

Некоторые изображения фракийского всадника вошли в международный сборник *LIMC* [25], представляющий собой алфавитный каталог изображений мифологических персонажей, отраженных в памятниках античности (интересующий нас сюжет обозначен в 8-м томе). В наше время исследователи продолжают обнаруживать памятники названного типа, как это произошло, например, при раскопках древнего фракийского святилища в Дядово [15] и Состре [13] на территории Болгарии.

Описательная характеристика данного вида источника может быть сведена к следующему. Вотивные плитки, как правило, выполнены из мрамора или известняка, в среднем имеют около 30–40 см в ширину и 20–40 см в высоту. Плиты имеют форму прямоугольника (иногда очень близкого к квадрату), у многих из них верхняя сторона слегка выгнута в виде арки или имеет оконечность в виде треугольника. Размеры погребальных стел разнятся.

По технике исполнения рельефы на большинстве памятников низкие, выполнены в довольно грубой манере, но есть и экземпляры, отличающиеся особенной четкостью и мастерской прорисовкой деталей.

Что касается сюжета и композиции изображений, то на этой теме стоит остановиться подробно. На рельефах фигура всадника обращена вправо (реже влево), конник изображен верхом на идущем (иногда галопирующем или стоящем на месте) коне, в правой руке он держит копье, одет в хитон. Наряду с фигурой всадника на рельефах иногда присутствуют и другие персонажи, как неодушевленные (дерево, алтарь, сосуд у ног коня, лира в руке всадника), так и одушевленные (женщина напротив всадника, стоящие рядом с ним один или несколько слуг,

змея, обвивающая дерево либо алтарь, дикие животные, на которых, возможно, охотится всадник: кабан, олень, медведь, заяц и др.).

Иконография рельефов фракийского всадника, интерпретация тех или иных элементов составляют предмет длительной дискуссии в научных кругах. Однако всеми признается тот бесспорный факт, что многочисленные элементы, сопровождающие фигуру всадника, а также особенности самой его фигуры и общая композиция несут в себе определенный смысл, и потому могут стать ключом к пониманию многих вопросов, которые до сих пор не имеют однозначного ответа. Приведем здесь важнейшие дискуссионные проблемы.

1. Что именно символизирует изображение фракийского всадника? Являлось ли оно образом какого-то конкретного божества либо синкретически вобрало в себя образы и функции различных божеств? Быть может, образ фракийского всадника трактовался по-разному в разных местностях и в разные эпохи?

2. Какое место занимал всадник во фракийском пантеоне и какую роль он играл в верованиях древних фракийцев?

3. Почему на многих рельефах всадник не один? Какой смысл несут в себе «второстепенные» персонажи и неодушевленные предметы, зачастую появляющиеся на рельефах рядом с образом фракийского всадника? (В особенности это касается образа змеи и образа женщины, которые трактуются весьма по-разному.)

4. Связано ли изображение фракийского всадника с образом боспорского всадника, и если да, то каким образом? Оказало ли оно влияние на традиции изображения образа всадника в позднейшие эпохи (в частности, имеется в виду христианская иконографическая традиция изображения Святого Георгия)?

Последний вопрос до сих пор не получил должной разработки в научной историографии, что несомненно говорит о том, что тема фракийского всадника на настоящий момент представляет собой научную проблему со значительным потенциалом исследования.

Большая часть памятников с изображением фракийского всадника дошла до нас во вторичном контексте, и данный факт лишь усложняет работу по их анализу и оценке их назначения. Часть же памятников найдена в местах древних святилищ (например, святилища Драгановец, Лилиаче, святилище близ Глава Панега на территории современной Болгарии и др.).

Хронологические рамки находок названных памятников можно условно очертить периодом IV в. до н. э. – IV в. н. э. Географические рамки, как уже отмечалось выше, также весьма поражают размахом. Рельефы с изображениями фракийского всадника найдены (помимо собственно Фракии) в Афинах и Пирее, Констанце, Эфесе и Пергаме и многих других местах.

Что касается классификации рельефов фракийского всадника, то долгое время специалисты опирались на предложенную еще в 1938 году классификацию Г. Кацарова, в соответствии с которой композиционные и сюжетные решения вотивных рельефов всадников группируются в три основных типа

(А, В и С). К типу А относятся изображения, на которых всадник, обращенный вправо, сидит верхом на шагающем или стоящем коне. Перед всадником, в углу рельефа, помещены алтарь или дерево, обвитое змеей (иногда без змеи), иногда то и другое. Довольно часто перед всадником стоит женская фигура в спокойной позе с молитвенным жестом. К типу В относят рельефы, на которых всадник изображен на скачущем коне. При этом могут присутствовать те же дополнительные элементы, что и в типе А. Под конем часто помещены собака или лев, которые преследуют кабана (реже быка, серну или зайца). Часто всадник поражает копьем преследуемое животное. И, наконец, тип С включает в себя изображения всадника, возвращающегося с охоты с добычей. Всадника сопровождает лев или собака, на земле лежит разбитый сосуд, из которого выливается жидкость. Иногда к основной композиции добавляются дополнительные изображения: алтарь, дерево со змеей, женская фигура и слуга, держащий конский повод [14: с. 175].

Составители крупнейшего сборника *ССЕТ* М. Опперманн и З. Гочева придерживаются классификации, предложенной Г. Кацаровым, равно как и авторы сборника *LIMC*. Однако в последнее время ее надежность ставится под сомнение. Болгарский исследователь Д. Ботева говорит о необходимости создания новой классификации, основу которой должны составить не прежние «формальные» критерии, но «характерные черты и элементы изображений, которые могли бы позволить лучше объяснить феномен» фракийского всадника [16: р. 112]. Она рассматривает все рельефы сквозь призму вводимых ею новых понятий: «изображение-картинка» («*représentations-images*») и «изображение-повествование» («*représentations-récits*») [16: р. 113]. Действительно, классификация Кацарова учитывает в первую очередь внешний признак — расположение фигуры всадника (сидящий в покое, галопирующий или идущий с добычей в руках). Однако есть много сомнений в том, что именно этот критерий следует считать наиболее существенным.

Чрезвычайно важным для исследователей фактом является наличие надписей на многих рельефах (таковых, по приблизительным подсчетам, не более трети от общего числа памятников). Собрание надписей также опубликовано: это сборник латинских [23] и греческих [22] надписей, найденных в Болгарии. Надписи высечены на древнегреческом языке или на латыни, они расположены, как правило, под изображением, в нижней части плит.

Большинство надписей довольно лаконичны по содержанию, в них говорится о том, кто ставил этот памятник и для кого (кому из людей или божеств он посвящен). Надписи на votивных рельефах демонстрируют беспрецедентное разнообразие имен и эпитетов, обращенных к всаднику. Он именуется греческими или римскими эпитетами: Аполлон, Асклепий, Гадес, Гест, Сабазий, Юпитер Оптимус Максимус, Сильван и Диоскур, — часто имена сопровождаются дополнением из именовании местного фракийского происхождения, среди которых Карабасмос, Кеиладенос, Манимазос, Ветеспос,

Аулархенос, Аулосаденос, Пирмерулас. О многообразии эпитетов подробно говорится в работе З. Гочевой [21].

Эпиграфические данные свидетельствуют о том, что дедикантами (т. е. лицами, которые заказывали изготовление каменных стел) были мужчины, подписывавшиеся фракийскими именами, но также среди них было немало тех, кто имел греческие или римские имена. Среди последних можно выделить группу тех, кто подписывался римскими именами согласно римской ономастической традиции (*praenomen, nomen gentile, cognomen*). В число дедикантов входили и военные, являвшиеся римскими гражданами; также среди них были представители романизированного населения [17: р. 76]. На некоторых рельефах II–III вв. н. э. присутствует указание военной должности, которую занимал дедикант: солдат (*miles cohortis*), солдат-легионер (упоминаются *legio I Italica, legio XI Claudia, legio VIII Augusta* и др.), офицер (*speculator, curator cohortis* и др.), ветеран и др. [18: р. 200–203].

Вопрос о том, кто являлся заказчиком или изготовителем памятников, теснейшим образом связан с проблемой происхождения фракийского всадника, до сих пор не имеющей в науке однозначного ответа. Помимо утверждений о местном, исконно фракийском [5; 26] или греческом [29] происхождении, высказываются предположения и о синкретическом характере феномена фракийского всадника, возникшего как результат слияния древней фракийской, восточной, греческой и римской культур [28].

Не подлежит сомнению и то, что памятники, на которых встречаются изображения фракийского всадника, отражают религиозные воззрения их создателей и не могут быть рассмотрены вне социального, культурного, политического контекста. В этой связи необходимо привлечение не только археологических данных, но и сведений нарративных источников. В первую очередь речь идет о немногочисленных, но тем не менее весьма ценных источниках, в которых приводятся сведения о религиозных представлениях древних фракийцев, их верованиях и обрядах. Это свидетельства Геродота, Помпония Мела, Солина и др.

Известно, что знаменитый «отец истории» предпринял путешествие по побережью Черного и Эгейского морей, во время которого изучал жизнь населения греческих колоний. Геродот ознакомился и с некоторыми регионами Фракии (в частности, с фракийским племенем гетов, жившим на западном побережье Черного моря, и населением вдоль рек Месты и Струмы) [3: Кн. IV].

Греческий историк и географ Страбон, живший в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э., также оставил свидетельства о фракийцах в своем труде «География» [12]. Помпоний Мела, римский географ и писатель I в. н. э., сообщает ряд важных деталей в сочинении «О положении Земли» («*De chorographia*» [8]). Интересующие нас сведения приведены в главе, посвященной Фракии. В отличие от Геродота, Помпоний Мела писал не на основании личных впечатлений, а по имевшимся у него источникам, его труд является компиляцией многих (в том числе не дошедших до нас в оригинале) произведений греческих и римских авторов.

К III в. н. э. относится сочинение Гая Юлия Солина «Собрание достопамятных сведений» («*Collectanea rerum memorabilium*» [2]), которое по своей сути также является компиляцией, поскольку представляет избранные места из текстов разных авторов (в частности, несохранившихся трудов Светония и др.). В свое сочинение Солин включил небольшой раздел «Фракийцы». Некоторые сведения — в основном это изложение фракийских легенд о древних царях Фракии — дошли до нас в интерпретации драматурга Софокла [7: с. 112–117].

Одрисское царство, возникшее в V в. до н. э. как объединение многочисленных фракийских племен и подчинившее себе города побережья, основанные греческими колонистами, в IV в. до н. э. попало под власть Македонии, а впоследствии распалось на отдельные области, которые со II века стали включаться в орбиту влияния Римской империи. В 46 году эти земли вошли в состав Римской империи под названием «провинция Фракия». Как известно, хронологически рельефы с изображением фракийского всадника относятся в основном к периоду IV в. до н. э. – IV в. н. э. Таким образом, мы можем говорить о том, что это был весьма длительный период, характеризовавшийся активным проникновением в регион элементов греческой и римской культуры. Поэтому на наш взгляд, тщательному анализу должен быть подвергнут широкий круг источников, свидетельствующих о быте и верованиях местного и пришлого (греческого и римского) населения. При изучении вопроса о происхождении образа фракийского всадника необходимо привлечение источников, позволяющих судить о культовых и религиозных традициях греков и римлян. Важны также изучение погребальных практик, анализ сюжетов произведений пластического и изобразительного искусства греческого и римского происхождения интересующего нас периода.

Таким образом, современная наука должна обратить пристальное внимание не только на анализ археологических источников (прежде всего используя возможности компаративистского подхода), но также задействовать источники нарративного и документального характера и целый ряд вспомогательных дисциплин. Изучение феномена фракийского всадника невозможно без помощи искусствоведения и эпиграфики, дающих широкий арсенал приемов постижения взаимосвязей между надписями и иконографией на монументах.

Литература

1. Бритова Н.Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1948. № 22. С. 53–56.
2. Гай Юлий Солин. Собрание достопамятных сведений (выдержки) / Пер. и комм. И.И. Маханькова // Знание за пределами науки. М.: Республика, 1996. С. 198–229.
3. Геродот. История: в 9 кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. перевода Н.А. Мещерский; отв. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1972. 600 с.
4. Гочева З. Антропоморфные изображения богов у фракийцев // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 156–159.
5. Данов Х. Траки. София: Народна просвета, 1982. 183 с.

6. *Диатроптов П.Д.* Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма. М.: ГИМ, 2001. С. 78–86.
7. *Ломтадзе Н.В.* Фракийские сюжеты у Софокла // История и культура Древнего мира. Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В. Блаватской. М., 1996. С. 110–117.
8. Помпоний Мела / Пер. С.К. Апта // Античная география. М.: Географгиз, 1953. С. 176–238.
9. *Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия археологической комиссии. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
10. *Соловьянов Н.И.* О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н. э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: межвузов. сб. научн. тр. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. С. 46–55.
11. *Соломоник Э.И.* Две случайные эпиграфические находки в Крыму // Нумизматика и эпиграфика. Т. 5. М.: Наука, 1965. С. 97–102.
12. *Страбон.* География: в 17 кн. Репринт издания 1964 г. / Пер. и комментарии Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
13. *Христов И.* Светилище на Тракийския конник край Состра / И. Христов, С. Торбатов, Б. Иванова, С. Иванов, Л. Нинов. София: UNICART, 2013. 264 с.
14. *Щеглов А.Н.* Фракийские посвяtitельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье: материалы и исследования по археологии СССР. № 150. М.: Наука, 1969. С. 135–177.
15. *Borisov B.* Dyadovo. Vol. 2. The sanctuary of the Thracian Horseman and The early Byzantine fortress. Varna: Zograf Publishing, 2010. 239 s.
16. *Boteva D.* A propos des «secrets» du Cavalier Thrace // Dialogues d’Histoire Ancienne. 2000. Vol. 26/1. P. 109–118.
17. *Boteva D.* Dedicators with roman names and the indigenous cult of the Thracian Horseman // Archaeologia Bulgarica. XI. 2007. 3. Sofia. P. 75–89.
18. *Boteva D.* Soldiers and veterans dedicating votive monuments with a representation of the Thracian horseman within the provinces of Lower Moesia and Thrace // Römische Städte und Festungen an der Donau. Akten der Regionalen Konferenz (16–19 Oktober 2003). Belgrade, 2005. P. 199–210.
19. Corpus cultus equitis Thracii (CCET). V vols. Leiden: Brill, 1979–1984.
20. *Delev P.* Observations sur le Cavalier Thrace // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l’histoire et de la culture Thrace. 1998. № 6. P. 129–135.
21. *Gočeva Z.* Les épithètes du Cavalier Thrace // Linguistique balkanique. 1992. № 3–4. P. 155–180.
22. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. V vols / Edit. G. Michailov. Sofia: In aedibus typographicis Academiae litterarum Bulgaricae, 1958–1970, 1997.
23. Inscriptiones Latinae in Bulgaria repertae / Edit. B. Gerov, G. Michailov. Serdicae: In Aedibus Universitatum Kliment Ohridski, 1989. 232 p.
24. *Kazarow G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. Fasc. 14. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 p., 89 pl., 528 fig., 1 c.
25. Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC). VIII vols. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999.
26. *Oppermann M.* Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen Traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 p.

27. *Pfuhl E.* Die ostriechischen Grabreliefs: II vols. / E. Pfuhl, H. Möbius. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 1977. 278 p., 72 figs., 169 pls.
28. *Venedikov I.* Le syncrétisme religieux en Thrace á l'époque romaine // *Acta antiqua Philippopolitana. Serdicae*, 1963. P. 153–166.
29. *Will E.* Le relief cultuel gréco-romain: Contribution á l'histoire de l'art de l'empire romain. Paris: E. de Boccard, 1955. 492 p.

Literatura

1. *Britova N.N.* Obraz vsadnika na rel'efax Frakii i Bospora // *Kratkie soobshheniya o dokladax i polevy'x issledovaniyax*. 1948. № 22. S. 53–56.
2. *Gaj Yulij Solin.* Sobranie dostopamyatny'x svedenij (vy'derzhki) / Per. i komm. I.I. Maxan'kova // *Znanie za predelami nauki*. M.: Respublika, 1996. S. 198–229.
3. *Gerodot.* Istorija: v 9 kn. / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo; pod obshh. red. S.L. Utchenko; red. perevoda N.A. Meshherskij; otv. red. S.L. Utchenko. L.: Nauka, 1972. 600 s.
4. *Gocheva Z.* Antropomorfny'e izobrazheniya bogov u frakijcev // *Vestnik drevnej istorii*. 1981. № 2. C. 156–159.
5. *Danov X.* Traki. Sofiya: Narodna prosveta, 1982. 183 s.
6. *Diatroptov P.D.* Izobrazheniya vsadnikov v antichnom Severnom Prichernomor'e // *Pozdnie skify' Kry'ma*. M.: GIM, 2001. S. 78–86.
7. *Lomtadze N.V.* Frakijskie syuzhety' u Sofokla // *Istorija i kul'tura Drevnego mira. Rossijsko-bolgarskij sbornik statej i uchebny'x materialov v chest' T.V. Blavatskoj*. M., 1996. S. 110–117.
8. *Pomponij Mela* / Per. S.K. Apta // *Antichnaya geografiya*. M.: Geografgiz, 1953. S. 176–238.
9. *Rostovcev M.I.* Svyatilishhe frakijskix bogov i nadpisi beneficiariev v Aj-Todore // *Izvestiya arheologicheskoy komissii*. 1911. Vy'p. 40. S. 1–42.
10. *Solov'yanov N.I.* O kul'tax rimskoj armii v Nizhnej Mezii i Frakii v I–III vv. n. e'. // *Problemy' ideologii i kul'tury' v ranneklassovy'x formaciyax: mezhvuzov. sb. nauchn. tr.* M.: MGPI im. V.I. Lenina, 1986. S. 46–55.
11. *Solomonik E'.I.* Dve sluchajny'e e'pigraficheskie naxodki v Kry'mu // *Numizmatika i e'pigrafika*. T. 5. M.: Nauka, 1965. S. 97–102.
12. *Strabon.* Geografiya: v 17 kn. Reprint izdaniya 1964 g. / Per. i komentarii G.A. Stratanovskogo; pod obshh. red. S.L. Utchenko. M.: Lodomir, 1994. 944 s.
13. *Xristov I.* Svetilishhe na Trakijskiya konnik kraj Sostra / I. Xristov, S. Torbatov, B. Ivanova, S. Ivanov, L. Ninov. Sofiya: UNICART, 2013. 264 s.
14. *Shheglov A.N.* Frakijskie posvyatitel'ny'e rel'efy' iz Xersonesa Tavricheskogo // *Drevnie frakijczy' v Severnom Prichernomor'e: materialy' i issledovaniya po arheologii SSSR*. № 150. M.: Nauka, 1969. S. 135–177.
15. *Borisov B.* Dyadovo. Vol. 2. The sanctuary of the Thracian Horseman and The early Byzantine fortress. Varna: Zograf Publishing, 2010. 239 s.
16. *Boteva D.* A propos des «secrets» du Cavalier Thrace // *Dialogues d'Histoire Ancienne*. 2000. Vol. 26/1. P. 109–118.
17. *Boteva D.* Dedicators with roman names and the indigenous cult of the Thracian Horseman // *Archaeologia Bulgarica*. XI. 2007. 3. Sofia. P. 75–89.
18. *Boteva D.* Soldiers and veterans dedicating votive monuments with a representation of the Thracian horseman within the provinces of Lower Moesia and Thrace //

Römische Städte und Festungen an der Donau. Akten der Regionalen Konferenz (16–19 Oktober 2003). Belgrade, 2005. P. 199–210.

19. *Corpus cultus equitis Thracii* (CCET). V vols. Leiden: Brill, 1979–1984.

20. *Delev P.* Observations sur le Cavalier Thrace // *Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace.* 1998. № 6. P. 129–135.

21. *Gočeva Z.* Les épithètes du Cavalier Thrace // *Linguistique balkanique.* 1992. № 3–4. P. 155–180.

22. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae.* V vols / Edit. G. Michailov. Sofia: In aedibus typographicis Academiae litterarum Bulgaricae, 1958–1970, 1997.

23. *Inscriptiones Latinae in Bulgaria repertae / Edit. B. Gerov, G. Michailov.* Serdicae: In Aedibus Universitatum Kliment Ohridski, 1989. 232 p.

24. *Kazarow G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien // *Dissertationes Pannonicae.* Ser. II. Fasc. 14. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 p., 89 pl., 528 fig., 1 c.

25. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC).* VIII vols. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999.

26. *Oppermann M.* Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen Traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 p.

27. *Pfuhl E.* Die ostriechischen Grabreliefs: II vols. / E. Pfuhl, H. Möbius. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 1977. 278 p., 72 figs., 169 pls.

28. *Venedikov I.* Le syncrétisme religieux en Thrace á l'époque romaine // *Acta antiqua Philippopolitana.* Serdicae, 1963. P. 153–166.

29. *Will E.* Le relief cultuel gréco-romain: Contribution á l'histoire de l'art de l'empire romain. Paris: E. de Boccard, 1955. 492 p.

A.V. Shchemelev

The Thracian Horseman: Features of the Source Base Study

The article is devoted to the analysis of the source base study of the phenomenon of the Thracian horseman. The images of Thracian horseman are presented in the reliefs of votive and funeral character, founded mostly in the ancient Thrace and outside its borders. Modern science should attract both archaeological and narrative, epigraphic and other sources so as to find answers to the «mysteries» of the Thracian Horseman and to clarify the origin and essence of this phenomenon.

Keywords: ancient Thrace; Thracian Horseman; votive plaques; funeral steles; reliefs.